

Весы и меч

Кристель Нэан

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристель Нэан

Весы и меч

«Автор»

2025

Нэан К.

Весы и меч / К. Нэан — «Автор», 2025

Когда кровь невинных проливается на степях Донбасса, Михаил оказывается на перепутье. Втянутый в водоворот войны, он столкнётся с самыми тёмными сторонами человеческой природы — и самого себя. Ему предстоит найти в себе силы и свет, чтобы сделать верный выбор и сразиться с тьмой.

© Нэан К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кристель Нэан

Весы и меч

Пролог

Поскольку в этой книге рассказывается о реальных событиях современности и затрагиваются религиозные темы, я хочу подчеркнуть, что это всё же фантастическое художественное произведение. Оно включает как вымышленных персонажей, так и адаптацию некоторых элементов христианского канона – всё это служит целям повествования.

Будучи православной христианкой, я понимаю, насколько важно уважать догматы и каноны. И если в этой работе я иногда отступаю от них, то не из-за неуважения или желания оскорбить верующих, а ради раскрытия тем, которые мне казалось важным осветить в этой книге.

Также предупреждаю: некоторые эпизоды, посвящённые войне, крайне тяжелы. Мне хотелось напомнить, что вооружённый конфликт – это не фильм, не видеоигра, а ужасающая, кровавая реальность, где главными жертвами всегда становятся мирные жители.

Благодарю Наташу за вычитку и исправление ошибок в тексте, чтобы книга была максимально грамотной.

Приятного чтения.

Кристель Нэан

Глава 1

Я лежу на холодном мраморном полу просторного холла. Рана от ножа глубока. Этот ублюдок попал точно в сердце. Если бы я не встал на пути, он наверняка убил бы малыша. Каждый вдох причиняет невыносимую боль. Я изо всех сил пытаюсь дышать, но дыхание прерывистое, и кажется, будто я задыхаюсь. Боль ужасная, с каждым вдохом она усиливается, дышать становится всё труднее. Как будто раскалённый лом пронзил мне грудь.

Я никогда не любил свою жизнь, всегда задаваясь вопросом: зачем я вообще на этой земле? Но умирать так... Это настоящий кошмар. Спиной чувствую тёплую липкую жидкость. Наверное, это кровь, хлещущая из зияющей раны. У меня даже нет сил протянуть руку, чтобы проверить.

Я всегда думал, что не буду сожалеть об этой бессмысленной жизни. Но когда его детское личико склоняется надо мной, во мне просыпается горечь. Не из-за уходящей жизни, а из-за последствий моей смерти. Кто защитит его, когда меня не станет? Кто обеспечит ему безопасность? Он останется беззащитным.

И тут я вспоминаю: он всего лишь ребёнок. Я не хочу, чтобы он видел, как я умираю. Пусть его короткая жизнь прошла среди войны, пусть он уже видел ужасные вещи, но не это. Да и кто знает, поймали ли нападавшего? Может, тот ещё на свободе, и малыш всё ещё в опасности? Ему лучше уйти отсюда. Паника заползает в мои мысли. Я пытаюсь сказать ему: «Беги, прячься!», но слова не выходят. Дыхание настолько слабое, что я не могу даже промычать что-либо.

Его ледяные голубые глаза смотрят на меня серьёзно, но без жестокости – с той тихой мягкостью, которую я видел в них с тех пор, как его официально доверили мне. В них нет ни страха, ни слёз. Неужели ужасы войны так ожесточили его, что теперь ничто не может напугать? Даже вид тела, из которого жизнь вытекает алыми реками, медленно растекающимися по безупречному мрамору холла?

И тут его маленькая ладонь ложится на рану, оставленную ножом убийцы. Его рука невероятно горячая, будто у него жар. От прикосновения боль словно уходит. Я больше не страдаю. Дыхание выравнивается. Страх исчезает.

Я ухожу. Я понимаю это. Знаю лучше любого, что означает это внезапное облегчение. Не обманываю себя. Это ложное успокоение – лишь реакция моего измученного мозга, которому не хватает крови и кислорода. Чтобы смерть казалась мягче.

Я умираю. И принимаю свою близкую кончину со спокойствием, которое удивляет даже меня самого.

Он наклоняется ещё ближе, его рука всё так же лежит на моём сердце, и он шепчет мне на ухо, едва слышно:

– Всё будет хорошо.

Это первый раз, когда я слышу его голос. И, увы, последний. От этой мысли меня переполняют печаль и сожаление. По правой щеке скатывается слеза. Последнее доказательство того, что в этом теле ещё теплится жизнь – на считанные секунды.

Когда он отстраняется, я в последний раз смотрю в его большие ледяные глаза, словно хочу унести их образ в иной мир.

Эти глаза... Его глаза... Они – последнее, что видят мои, прежде чем закроются навеки.

Глава 2

Меня зовут Михаил. Я родился в 1986 году в Москве. Последние годы СССР, который уже давно агонизировал, я не запомнил – был слишком мал. Мои родители, Андрей и Ирина, как и многие их современники, мечтали жить "как на Западе". И когда Союз рухнул, они ликovali – казалось, мечта вот-вот станет реальностью.

Они открыли небольшую продуктовую лавку, надеясь наконец зажить достойно. Но не учли хаос, анархию и тотальную коррупцию, воцарившиеся после распада СССР. Московские бандиты быстро смекнули, как нажиться на рэке владельцев магазинов и фабрик. Моих родителей терроризировали, угрожая сжечь лавку, если они не будут платить всё больше – в то время как галопирующая инфляция заставляла их менять цены почти ежедневно. Многие клиенты вообще не получали зарплату, только товары с заводов, где работали. Всё приходило в упадок без финансирования. Улицы заполнили нищие, дети, ворующие и нюхающие клей, люди, продающие последнее, чтобы выжить. Их капиталистическая мечта превратилась в кошмар.

Через несколько лет этого ада родители продали лавку и решили уехать на Запад. Мать всегда мечтала увидеть Париж, так что мы перебрались во Францию. Они нашли подработки, меня отправили в школу. Жизнь здесь была легче, чем в России, и родители говорили, что теперь мы свободны. Но по приезду я не знал ни слова по-французски, и меня быстро оттеснили на обочину. Сначала это ранило, но вскоре я смирился – школьные интриги, мелочность и меркантильность меня не интересовали.

С возрастом пропасть между мной и сверстниками только росла. В подростковом возрасте они только и говорили, что о сексе, сигаретах, алкоголе, а то и наркотиках, и о своей внешности. Некоторые курили траву целыми днями, пока не превращались в подобие медуз, выброшенных на берег. Другие напивались на вечеринках до рвоты.

Когда я спрашивал, зачем так издеваться над собой, они отвечали: "Нравится кайфовать". Они напоминали мне уличных детей Москвы, нюхавших клей, чтобы забыть ад своей жизни. Но у них-то не было ада! Большинство курило, пило или колосось просто за компанию, "потому что это круто", по стадному инстинкту. Они гробили тело и разум просто потому, что так делали другие. Я тоже попробовал курить и выпить – проверить, стоит ли игра свеч. Сигарета лишь заставила меня кашлять и оставила во рту мерзкий привкус. От алкоголя голова кружилась так, что я еле удержался, чтобы не блевануть.

Внешность решала всё. Нужно было одеваться в модные бренды и быть как все. Неважно, что внутри труха, лишь бы фасад блестел.

Моя бабушка, оставшаяся в России, каждый раз, когда я приезжал к ней на летние каникулы, повторяла:

– Всё это – бессмыслица.

Неважно, какой марки твоя одежда и сколько она стоит. Главное, чтобы она была крепкой, удобной и нравилась лично тебе. А слепо следовать за другими – верный путь к катастрофе.

– Если твои друзья решат прыгнуть с Эйфелевой башни без парашюта, ты тоже прыгнешь, лишь бы быть как все? – без устали повторяла она всякий раз, когда я сомневался, глядя на свою растущую отчуждённость.

– Нет, – неизменно отвечал я.

Моя бабушка была мудрой женщиной. Она часто напоминала мне, что всё это – суета, а главное – оставаться хорошим человеком и каждый день стараться стать лучше, следуя Божьим заповедям. Если мои родители были атеистами, то бабушка исповедовала православие и водила

меня в церковь, когда я гостил у неё. Там я чувствовал покой, но моя глубокая мизантропия не позволяла даже думать о крещении. Когда видишь, на что похож этот мир и что творят с ним люди, трудно разглядеть в этом хаосе Божью любовь и доброту. Порой мне кажется, будто я с другой планеты – настолько безумными и иррациональными кажутся мне человеческие поступки.

Они уничтожают всё – от планеты до самих себя – ради денег. Ради клочков бумаги с напечатанными цифрами, которые якобы обозначают их ценность. Но на деле эти бумажки не стоят больше, чем чернила и целлюлоза, из которых они сделаны. Всё держится на слепой вере большинства в то, что у этих бумажек есть цена. Но стоит вере рухнуть, и их стоимость сравняется со стоимостью туалетной бумаги.

А с приходом цифровой экономики даже эти бумажки заменяются нулями и единицами в компьютерах. Совершенно виртуальные деньги, которые кучка людей копит в безумных количествах, невзирая на цену, на эксплуатацию других людей, уничтожение целых экосистем, перевороты и войны.

Люди губят чужие жизни – эти редкие, драгоценные дары – ради того, чтобы в банковском сервере у них прибавилось ещё несколько нулей. Хотя у них уже есть десять особняков, три яхты и Бог знает сколько роскошных машин. Они не потратят всё это богатство за всю свою жизнь, даже если проживут трижды. Так в чём смысл?

Неужели они думают, что смогут забрать с собой в могилу эти бумажки или цепочки цифр? Считают ли они, что эта виртуальная абстракция под названием «деньги» стоит того, чтобы уничтожить самое редкое и ценное – человеческую жизнь?

Ведь даже с чисто научной точки зрения жизнь – это чудо. Условия для её возникновения, а тем более для появления разумных существ, способных осознавать себя и познавать законы мироздания, настолько редки, что даже самый убеждённый атеист не сможет отрицать: каждая человеческая жизнь бесценна.

А эти редкие, уникальные жизни растрачиваются впустую. Уничтожаются сотнями тысяч, миллионами; в войнах, которые ведутся ради тех самых бумажек и нулей с единицами на жёстких дисках.

Когда я думаю об этом, мне кажется, будто я падаю в бездонную пропасть. Кружится голова. Ничто из этого не имеет смысла.

Я не понимаю, что мне делать в этом мире, напоминающем гигантскую психушку под открытым небом, где люди соревнуются в мании величия, нарциссизме и жажде власти. Но вместо того, чтобы становиться лучше или менять мир к лучшему, они сеют вокруг лишь хаос, разрушение и опустошение. Как мне жить в мире, лишённом для меня всякой логики и смысла?

Мои родители, давно интегрировавшиеся во французское общество, заразились этой гонкой за деньгами и статусом. Они мечтают, чтобы я стал банкиром или управляющим инвестиционными фондами – тогда моя успешная карьера станет венцом их жизненных достижений. Но я не могу представить себя наживающимся на чужой беде, впаривающим кредиты ипотечным должникам ради плана или обдирающим людей чудовищными комиссиями за каждый овердрафт.

Бабушка же советует выбрать профессию, где можно помогать людям – это, говорит она, придаст жизни смысл. Я решаю последовать её совету и поступаю на медицинский. Так я и найду хоть какое-то предназначение в этой бессмысленной, на мой взгляд, жизни, и дам родителям повод для гордости – профессия врача всё-таки престижна.

Сдав научный бакалавриат, я погружаюсь в университетскую рутину. Уже на интернатуре понимаю: деньги вместе с политиками давно разъели систему здравоохранения. Нам твердят о «рентабельности больниц», о «выполнении показателей». А я-то наивно полагал, что врач существует, чтобы лечить и спасать... Но бросать учёбу на финише не хочется – успокаиваю

себя, что после диплома смогу заниматься настоящей медициной, полезной людям, а не бухгалтерам из минздрава, не способным и катетер поставить.

Получив диплом (к восторгу родителей), я продолжаю работать в парижской больнице, когда в 2013 году на другом краю Европы начинают разворачиваться драматические события.

На Украине президент откладывает подписание соглашения об ассоциации с ЕС, тщательно взвесив все «за» и «против» – особенно на фоне куда более выгодного предложения от России.

Видимо, он забыл, что ещё до распада СССР США начали финансировать НКО, которые теперь фактически определяют политику страны. Видимо, урок выборов-2004, когда победу у него украли с помощью «оранжевой революции» (спецоперации ЦРУ), прошёл даром.

После смены я пристально слежу за нарастающим насилием на киевском Майдане. В воздухе пахнет повторением 2004 года, который уже тогда подорвал украинско-российские отношения.

Зная русский, я могу сравнивать украинские и российские новости, и быстро понимаю: в этот раз будет куда страшнее. На Майдане развеваются флаги ОУН (организации украинских националистов, сотрудничавших с нацистами), а бойцы неонацистской партии «Свобода» демонстративно носят «волчий крик» – символ дивизии СС «Рейх»¹. Протестующие вооружены цепями, арматурой и огнестрелом: они стреляют в бойцов «Беркута», забрасывают их «коктейлями Молотова», оставляя страшные ожоги.

Каждое новое видео из украинской столицы как эпизод кошмарного сна. Пламя, чёрный дым, горящие автобусы... Словно адская бездна.

Мои худшие опасения сбываются, когда снайперы (явно из отеля «Украина», контролируемого майдановцами) начинают стрелять одновременно и в протестующих (попадая им в спины), и в «беркутов». Это провоцирует госпереворот 22 февраля 2014 года – вопиющее нарушение украинской конституции.

Конечно, в западных СМИ этот государственный переворот переименовали в «Революцию достоинства» или «Революцию Евромайдана». Звучит куда презентабельнее, чем «антиконституционный переворот» или «революция, инспирированная США для свержения легитимного демократически избранного правительства». Всё это было одобрено, поддержано и спонсировано американцами, а также некоторыми французскими политиками, которые по очереди выступали на Майдане, подстрекая протестующих и раздувая пламя мятежа. Помощник госсекретаря США по Европе и Евразии даже раздавала печенье на площади Независимости.

Трудно представить более наглядное доказательство вмешательства США во внутренние дела Украины. Когда ещё министр иностранного государства открыто раздавал угощения и поддерживал толпу, требующую отставки своего президента? Позже в опубликованной телефонной беседе она прославится фразой «Fuck the EU» (пусть ЕС идёт к чёрту), затмившей остальную часть разговора, где эти двое американских чиновников решали, кто станет следующим премьер-министром Украины. Где же «достоинство» Украины после этой «революции», окончательно закрепившей её статус американской колонии, где Вашингтон даже не утруждается соблюдением видимости самостоятельного выбора власти?

После бегства украинского президента (спасавшегося от расправы новых властей) я ожидал худшего. Особенно после событий в ночь с 20 на 21 февраля 2014 года в Корсунь-Шевченковском Черкасской области Украины. В ту ночь крымчане, протестовавшие в Киеве против действий майдановцев, возвращались домой на автобусах. Члены украинских неонацистских группировок и местные жители остановили колонну, открыв огонь и забросав транспорт «коктейлями Молотова». Вытащив пассажиров, они жестоко избили их. Один водитель погиб от

¹ Подразделение, совершившее резню в Орадур-сюр-Глан во Франции во время Второй мировой войны.

пули, несколько человек, пытавшихся бежать, так и не были найдены. Когда выжившие добрались до Крыма и рассказали о произошедшем, ужас охватил весь полуостров.

И вот, когда 23 февраля 2014 года украинский парламент голосует за отмену регионального статуса русского языка, словно искра падает в пороховую бочку. Крым, Донбасс, Одесса, Харьков – русскоязычные регионы Украины – вспыхивают один за другим. Пламя восстания стремительно распространяется по востоку и югу страны, следуя линиям языковых и культурных разломов.

Я боюсь худшего, ожидая новой кровавой бойни. Если Крыму повезло – российские военные вышли из своей базы, чтобы защитить мирных жителей от расправы украинских неонацистов (те мстили за желание полуострова провести референдум о выходе из Украины), – то Донбассу, Одессе и Харькову не повезло. Начавшееся восстание, которое было жестоким образом подавлено в Харькове и Одессе в апреле и мае 2014 года, быстро угасло, потому что люди были слишком запуганы.

Но в Донбассе всё пошло иначе. Кровь лишь разожгла восстание, и 11 мая 2014 года, меньше чем через три месяца после рокового закона, Донецкая и Луганская области провозгласили себя народными республиками.

Уже в апреле 2014-го и.о. президента Украины объявляет «антитеррористическую операцию» против Донбасса. Но сначала украинские солдаты отказываются стрелять в своих – они видят перед собой не «террористов», а мирных жителей. Бронетехнику останавливают жители, выстраиваясь живым щитом на дорогах. Видео, где люди голыми руками блокируют танки, разлетаются по интернету.

Тогда украинские власти вооружают неонацистов, в том числе откровенных уголовников. Если обычные солдаты не хотят подавить восстание жителей Донбасса кровопролитием, пусть это сделают они.

С первой пролитой крови начинается кошмар. Армия Украины перенимает методы неонацистов: обстрелы мирных кварталов, расправы над гражданскими. Так на исторически русских землях Донбасса начинается гражданская война, и кровь русскоязычных жителей Украины проливается на землю в 2500 км от меня.

Меня тошнит, когда я вижу, как на Украине реабилитируют нацистских пособников вроде Бандеры и Шухевича, объявляя их героями. А теперь этих «героев» отправляют убивать мирных жителей Донбасса.

Я не знаю, что делать. Мои родители живут под Парижем, у меня есть работа, несколько друзей. Почти всю жизнь я провёл во Франции.

Бабушка, оставшаяся в России, плачет, рассказывая о репортажах из Донбасса. Я не могу просто сидеть сложа руки. Но бросить родителей? Да и что я могу? Я врач, а не солдат. Я выбрал спасать жизни, а не отнимать их.

2 июня 2014 года, глядя новости, я проваливаюсь в ад. Украинская авиация бомбит центр Луганска – восемь погибших, около тридцати раненых. На YouTube я нахожу видео, снятое во время обстрела. И тогда я вижу её.

Женщина с рыжими волосами в красной блузке лежит на мостовой перед зданием луганской администрации. Обе ноги оторваны взрывом. Она в сознании; поднимает глаза к снимающему, в ужасе застывшему за камерой, умоляет о помощи и диктует номер телефона. Позже я узнаю: она умерла в машине скорой.

Я врач. Видел тяжёлые травмы, работал с телами в морге. Но эта сцена невыносима. Кровь на асфальте. Искалеченные тела. А главное – её глаза, в которых застыла мольба. Они ввелись в память, как раскалённое клеймо.

Видения преследуют меня. Я будто в горячечном бреде... Тошнота сдавливает горло. Эмоции накатывают такой разрушительной волной, что становится страшно. Я теряю контроль.

Падаю на колени. Сворачиваюсь калачиком на полу, кричу от ярости и боли. Кричу, пока не рвутся лёгкие. Бью кулаком по полу изо всех сил, будто физическая боль может заглушить ту, что выворачивает нутро. Когда силы кончаются, остаюсь лежать, рыдая, потрясённый до глубины души.

В ту ночь я не могу спать. Во сне снова вижу её взгляд, прожигающий душу, слышу: «Помогите мне, пожалуйста...», и просыпаюсь с криком.

Я понимаю: этот образ будет преследовать меня до конца дней, если я не попытаюсь остановить бойню. Я стал врачом, чтобы спасти жизни. Не смог помочь ей и семерым другим, погибшим в тот день у администрации, но могу поехать в Донбасс. Попытаться остановить украинскую армию и неонацистские батальоны.

Я звоню в больницу, говорю, что заболел, и начинаю собирать вещи. К счастью, у меня есть российский паспорт: я часто ездил в Россию к бабушке. Это избавит от необходимости получать визу. В интернете я ищу контакты добровольцев, которые помогут пересечь границу – она почти полностью контролируется украинскими войсками.

Наконец я получаю ответ от группы добровольцев, направляющихся в Снежное (ДНР), чтобы поддержать местное ополчение под командованием городского головы. Место сбора – Ростов-на-Дону. Мне советуют взять минимум вещей: границу придётся пересекать пешком, по полям, чтобы незаметно пробраться в Снежное, минуя украинских военных.

Я собираю лишь рюкзак с удобной одеждой и гигиеническими принадлежностями. Найдя в интернете билет на завтрашний вечерний рейс Париж-Москва, решаю, что в аэропорту раздобуду билет до Ростова.

Предупредив контакты о своём прибытии, иду к родителям – сообщить о решении и попрощаться. Их реакция ошеломляет.

– Ты сошёл с ума! – кричит отец.

Мои рассказы о событиях в Донбассе они называют российской пропагандой.

– Украина – это демократия, их армия не стреляет по мирным! Путин – диктатор, а ты собрался к террористам! Если сделаешь этот шаг, можешь не возвращаться. Не желаем иметь ничего общего с террористами, – бросает отец, его голос дрожит от ярости.

Мать смотрит с таким осуждением, будто я при них задушил котёнка. Значит, это путешествие в один конец. Я надеялся на их понимание, но это ничего не меняет. Я знаю, мой выбор правильный.

На следующий день сажусь в RER до аэропорта Шарля де Голля. После перелёта в Москву провожу всю ночь в ожидании рейса на Ростов. Покупаю российскую сим-карту, сообщаю контактам время прибытия.

Через три дня после принятия решения я в ростовском аэропорту. Меня встречает Юрий – ветеран афганской войны, организующий переход границы с бывшими сослуживцами из Снежного.

Этот человек довольно худощавый, если не сказать тощий, с тёмно-русыми волосами, уже тронутыми сединой. Его усталое лицо испещрено мелкими шрамами, вероятно, боевыми.

– Проголодался? – спрашивает он, подходя к машине.

– Признаться, не откажусь от нормальной еды. С самого Парижа питался одними бутербродами и шоколадками, – отвечаю я, оживляясь.

– Отлично, жена как раз сварила борщ. Поешь, отдохнёшь, а вечером перейдёшь границу с двумя добровольцами и проводником. Они уже у меня дома.

Я благодарно киваю. Как же я скучал по этому русскому радушию! Пока мы едем, я смотрю в окно. Город чистый, современный, машин так много, что пробки стоят почти на каждой улице. Контраст с Москвой 90-х разительный. Конечно, приезжая к бабушке, я видел, как преобразилась столица. Но, как говорится у нас, Москва – это ещё не вся Россия. Я боялся,

что перемены коснулись только её. Но теперь вижу – нет. Такие города, как Ростов-на-Дону, тоже расцвели после смены власти в 2000-х.

У Юрия я знакомлюсь с Иваном и Никитой – теми, с кем предстоит переходить границу, – и с проводником, назвавшимся только своим позывным «Кот». Этот черноволосый мужчина с бледно-зелёными глазами двигается с кошачьей грацией, отсюда, видимо, и прозвище.

К вечеру, когда дневная жара наконец спадает, мы садимся в машину и долго едем в сторону границы. Вокруг шоссе, ведущего из Ростова в Таганрог, простирается бескрайняя степь. Кот привозит нас в хутор Репяховатый неподалёку от пограничного перехода Мариновка. Оставив машину возле фермы, он, не выпуская сигареты изо рта, объясняет план:

– Украинские военные сосредоточились у погранперехода и Григорьевки. Для контроля всей границы у них не хватает людей, поэтому они заминировали всё вокруг. Мы прочистили тропу вдоль речки Ольхович, но гарантий нет – могли снова заминировать. Так что шагаете строго по моим следам, с интервалом в несколько метров. Не сворачиваете. Телефоны отключаете сейчас же. И главное – ни звука.

Как только опускается ночь, наша маленькая группа пешком отправляется к реке. Окружающий лес скроет наш переход, но идти становится ещё сложнее – почти ничего не видно. Луна лишь в первой четверти, и хотя небо ясное, её света недостаточно, чтобы как следует осветить тропу. А чтобы нас не заметили, мы, конечно, не можем воспользоваться фонарями. Несмотря на это, Кот движется ловко и уверенно, почти бесшумно, будто видит путь сквозь темноту – точь-в-точь как кошка. Или будто знает его наизусть, пройдя здесь уже сто раз.

К счастью, после захода солнца стоит тёплая погода, а небо чистое – это избавляет нас и от обильного пота во время пути, и от необходимости месить чернозёмную² грязь. Вскоре мы уже слышим характерный шум воды неподалёку.

Дойдя до реки, мы идём вдоль неё на север, а затем, после пересечения границы, сворачиваем на запад, следуя за одним из её притоков. Так мы продолжаем путь почти три километра, после чего покидаем реку и пересекаем дорогу, ведущую к деревне Тараны. Оттуда мы идём полями и оврагами до Саур-Могилы, по возможности скрываясь в перелесках. Между рощицами приходится перебегать, проверяя, нет ли на горизонте патрулей или украинских войск, возвращающихся с перехода у Мариновки, где днём шёл бой.

Достигнув Саур-Могилы, мы движемся строго на север, в сторону Снежного, снова держась рядом с дорогой, пока не добираемся до блокпоста возле Первомайского. Когда мы оказываемся достаточно близко, Кот достаёт фонарь и начинает мигать им, передавая сигнал. Когда с блокпоста отвечают таким же световым кодом, мы выходим из кустов и направляемся к главной дороге. Кот первым подходит к ополченцам на посту, и те встречают его крепкими объятиями.

На них хаотично подобранные камуфляжные штаны, ещё с десятков лет назад устаревшей расцветки, а сверху обычные футболки. На ногах – простые кроссовки. Никаких бронежилетов, никаких касок. Лишь у одного есть автомат, который он держит слишком небрежно. Всё это напоминает кадры из Первой чеченской, которые я когда-то видел по телевизору в детстве, на каникулах у бабушки.

– Что нам привёз, Кот? – спрашивает один из ополченцев.

– Трое новичков, добровольцы из России, да вот этот – только что из Франции, – он указывает на меня.

– Из Франции? Ты зачем сюда приперся, француз?

– Я родился в России, в Москве. Давно живу во Франции, но я русский. Увидел, что тут происходит, и решил приехать помочь.

² Чернозем – чрезвычайно плодородный черный грунт, встречающийся, в частности, в Украине, а также на юге России. Когда идет дождь или тает снег, эта почва, очень богатая гумусом и глиной, превращается в липкую грязь, в которой тонут военные машины и техника, и из которой очень трудно выбраться. Даже пешком ходить по этой грязи – целое испытание, поскольку она прилипает к подошвам ботинок, образуя под ними толстую платформу.

– Ты в армии служил? – интересуется вооружённый ополченец.

– Нет, я учился на врача, я медик. Но я готов научиться воевать, – отвечаю я неуверенно.

– Будешь учиться, как все мы – в бою, – смеётся он.

Я смотрю на него в недоумении. Как это – в бою? Я-то думал, здесь будет хоть какая-то подготовка, а тут, выходит, полная импровизация. Ну чисто по-русски... Кот говорит, что пора двигаться дальше. После часов марафона мы уже вымотаны, но до цели ещё далеко. Нам предстоит пройти ещё с добрых шесть километров до центра Снежного, где наконец можно будет отдохнуть.

Глава 3

Добравшись до центра Снежного, Кот приводит нас к командиру добровольцев и мэру города по прозвищу «Шаман». Мужчина лет пятидесяти, с коротко стриженными черными волосами, тронутыми сединой, обладает внушительным телосложением, но при этом выглядит весьма добродушным. Он объясняет, что у нас не будет времени на полноценную военную подготовку. Мы будем учиться постепенно, в деле, рядом с более опытными бойцами. А пока нам нужно поесть и отдохнуть.

Снежное, как и большинство крупных городов региона, типичен для бывших советских республик: его центр почти полностью состоит из «панелек» – зданий из сборных бетонных плит, смонтированных на месте. Эта технология быстрого строительства позволила СССР быстро и дешево обеспечить жильем население. Однако тепловая и звуковая изоляция в таких домах катастрофическая: сквозь стену можно услышать, как сосед шепчется. А главное, из-за отсутствия должного ухода эти здания с годами становятся ужасающе уродливыми: стыки между этажами и квартирами проступают, как только краска или фасадный декор осыпается.

Вокруг этого центра, застроенного советскими многоэтажками, раскинулся обширный частный сектор, занимающий большую часть территории города. Как и почти все крупные города Донбасса, Снежное вырос вокруг угольных шахт, которые обеспечивают жителей работой, а регион – топливом для отопления домов, электростанций и металлургических заводов.

Терриконы, образованные отходами добычи, возвышаются над зеленой донбасской степью, словно небольшие горы черного, красного и бежевого цветов. Некоторые, самые старые, уже поросли растительностью на вершинах. Это соседство терриконов, естественных холмов и курганов³ придает ландшафту региона особый колорит.

На следующий после прибытия день нас распределяют среди других бойцов, занимающих блокпосты на подступах к городу. В редкие моменты затишья сослуживцы показывают мне, как разбирать и собирать автомат Калашникова, чистить его, заряжать магазин патронами, целиться, где находится предохранитель и как правильно держать оружие. Спустя несколько дней поступает сообщение о колонне украинской бронетехники, движущейся из Амвросиевки в сторону Снежного. Эта новость вызывает панику среди части горожан, опасющихся, что украинские военные прорвутся в город и начнут расправляться с местными. Мы с моим подразделением в это время находимся в центре, получая продовольственную помощь от батюшки Кирилла, когда узнаем об этом.

Пока некоторые из тех, кто помогает священнику содержать церковь и организовывать благотворительность, начинают подумывать о бегстве из города, батюшка Кирилл заявляет, что останется на месте. Он невысокого роста, с темными волосами и бородой, как полагается православному священнику, одет в простую черную рясу без украшений. От него исходит удивительное спокойствие. Несмотря на риски, связанные с его поддержкой Донецкой Народной Республики и народного ополчения, он отказывается покидать свой город и прихожан.

Перед его отказом уехать многие из помогавших ему женщин, охваченные стыдом, в конце концов тоже решают остаться. Бросить его для них немыслимо. Вскоре тревога спадает: приходит известие, что колонна бронетехники попала под наш артиллерийский удар, уничтоживший почти все машины. Но передышка была недолгой.

Через два дня, когда мы находимся на блокпосту, мы видим возвращающуюся машину командира, изрешеченную, словно дуршлаг. Чудо, что она еще на ходу! Командир на заднем сиденье в сознании, но явно дезориентирован и мечется.

³ Курган – это насыпь или даже искусственный холм, покрывающий могилу.

– Что случилось? – спрашиваю я у солдата за рулем.

– Попали в засаду, обстреляли нас, рядом с командиром рвануло... Очнулся уже в дороге, но никак не успокоится, – взволнованно отвечает он.

Я тут же распахиваю дверцу, чтобы осмотреть командира. Это не просто контузия, это явная черепно-мозговая травма от ударной волны, плюс несколько осколочных ранений.

– Немедленно вези его в больницу, у него черепно-мозговая травма! Скажи врачам, чтобы сразу вкололи ноотроп вроде Пирацетама и седативное, чтобы успокоить. Может понадобится диуретик, чтобы снизить внутричерепное давление. Быстрее! – кричу я ему, жестом приказывая остальным пропустить машину.

Командир выжил, но провел в больнице несколько недель, пока не оправился от ран. А через две недели его заместитель передал мне приказ помочь батюшке Кириллу срочно распределить 120 кг сала, купленного им для нас на средства, собранные среди прихожан и русских благотворителей.

Перед храмом, где служит батюшка Кирилл, меня встречает одна из прихожанок, помогающая ему содержать часовню. Хрупкая женщина с черными волосами и такими же темными глазами.

– Здравствуйте, батюшка Кирилл здесь? – спрашиваю я.

– Да, внутри. Вам для исповеди или благословения?

– Нет, говорят, у отца Кирилла есть 120 кг сала для раздачи ополченцам. Меня прислали помочь.

– Пойдем, проведу к нему, – отвечает она, широко улыбаясь.

– Спасибо. А, простите, забыл представиться – Михаил.

– А я Татьяна, очень приятно.

– Взаимно.

Она проводит меня внутрь скромной церквушки, где отец Кирилл готовится к очередной службе.

– Батюшка Кирилл, это Михаил. Командование просило его помочь вам с распределением сала.

– Спасибо, Татьяна. Заходи, сынок, спасибо, что пришел. Без тебя я бы вряд ли справился.

– Нужно признать, сала тут для одного раза немало, – усмехнулся я.

– Я купил все 120 кг позавчера в Торезе. Боялся, что украинская армия перережет дорогу между городами, вот и решил закупить сразу, хранить в холодильниках и выдавать вам понемногу. Но вчерашний обрыв линий из-за обстрела оставил холодильники без электричества. Если сейчас не раздадим – сало пропадет.

– Батюшка, можно задать вам... деликатный вопрос?

– Конечно, сынок.

– Почему вы помогаете ополчению? Разве Церковь не должна оставаться нейтральной, вне политики?

– В обычное время – да. Но понимаешь, в Киеве уже годы переписывают нашу историю, теперь взялись за язык. А после Майдана я понял: следующей будет наша вера, наша Церковь. Так что, помогая вам, я защищаю и ее. Да и сало – это ведь не оружие. Я не даю вам средств убивать, а лишь помогаю выжить и выполнить долг. Так что с точки зрения Бога я не переступаю границ дозволенного.

Я замолкаю. Не ожидал такого ответа.

Мы грузим три четверти сала в выделенную мне «буханку» цвета хаки. Перед отъездом батюшка Кирилл осеняет машину крестом, затем благословляет меня.

– Батюшка, это трогательно, но я... не крещен. Не верю в Бога, – смущенно говорю я.

– Почему?

– Трудно верить, отец, когда видишь, сколько зла творят люди.

– Но в этом не Он виноват. Каждый человек сам выбирает. Он дал нам свободную волю – творить добро или зло. К счастью, не все выбирают последнее.

– Верно. Но до сих пор мне редко доводилось видеть добро. По крайней мере, там, где я жил раньше, – неуверенно отвечаю я.

Признаюсь про себя: здесь, в Донбассе, я ежедневно вижу проявления солидарности. Местные, сами живущие впроголодь, под ежедневными обстрелами, все равно делятся с нами едой, сигаретами, бензином...

Батюшка Кирилл, кажется, чувствует мое смятение. Просит подождать и через пять минут возвращается с медальоном архангела Михаила – моего небесного покровителя – на тонком шнурке. Надевает мне на шею и снова благословляет.

– Архангел Михаил, предводитель Небесного воинства, – лучший защитник для тебя. Если однажды осознаешь, что Бог есть, и захочешь креститься – батюшка Феофан из храма на другом конце города с радостью проведет обряд. У него есть купель для взрослых по полному чину.

– Спасибо. Он тоже поддерживает ополчение?

– Еще как! Не только технику благословляет, но и молится ежедневно о вашей победе, – заключает батюшка Кирилл, и его лицо озаряется теплой улыбкой.

Я снова отправляюсь в путь со своей сотней килограммов сала, которые раздаю разным подразделениям, обороняющим Снежное и участвующим в боях за курган Саур-Могила: «Восток», добровольцы из Снежного, а также батальоны «Семёнович» и «Оплот». Удержать Саур-Могилу для нас критически важно – с этой высоты открывается вид на десятки километров вокруг. Если мы хотим вернуть контроль над границей с Россией и территориями южнее, вплоть до Азовского моря, мы должны удержать эту высоту.

С первых дней июня украинская армия, после интенсивных обстрелов наших позиций на холме, пытается отбить его обратно. Несмотря на тяжелые потери, мы держимся. Каждый день сапёры батальона «Семёнович» проверяют каждую дорогу, прежде чем мы сможем куда-то двинуться, потому что каждую ночь украинская армия заново минировать то, что было разминировано накануне. Те, кто пренебрегает этой мерой безопасности и выдвигается, не дождав-шись сапёров, чаще всего гибнут, а их бронетехника уничтожается. А её у нас и так мало, и мы не можем позволить себе терять её так глупо.

Через несколько дней, когда бои разгорятся под Степановкой, украинское подразделение заявляет, что хочет сдаться вместе с бронетехникой. Хороший шанс пополнить арсенал. Они поднимают белый флаг. БТР и БМП подъезжают к нашему блокпосту. Но как только оказываются вплотную, украинцы открывают огонь, убивая всех ополченцев на посту. После этой подлости верить в их «готовность сдаться» уже невозможно.

В июле 2014-го я ночую в штабе, когда около шести утра меня будят чудовищные взрывы. Земля дрожит.

Я слышу рёв истребителя – он только что сбросил бомбы на центр Снежного! Я в панике выбегаю из здания, полуодетый, и бегу к дыму, чтобы понять, куда попали. Командир Шаман, только что выписавшийся из госпиталя, у меня за спиной.

Мы останавливаемся перед тем, что раньше было типичной советской пятиэтажной-панелькой. Один подъезд полностью превратился в руины – настолько мощным был взрыв. Посреди обломков стоит ошеломлённый мужчина в шортах, покрытый цементной пылью, с сигаретой в пальцах. Он вышел покурить сразу после того, как его жена ушла на работу. Это спасло ему жизнь.

Командир разворачивается и идёт в штаб, чтобы поднять людей на помощь, а я присоединяюсь к жителям, которые уже собрались и пытаются разгрести завалы. Мы быстро находим пожилую женщину с тяжёлыми ранениями, вытаскиваем её, но она умирает. Потом слы-

шим стон мальчика. После долгих минут поисков наконец видим его – он зажат под бетонными плитами. Частично его прикрывает тело взрослой женщины. Наверное, его мать, которая пыталась его защитить.

Она не двигалась и не подавала признаков жизни. Нога мальчика и таз были зажаты под обломками. Я понял: вручную нам его не вытащить. Бетонные плиты слишком тяжелы, чтобы поднять их голыми руками.

– Найдите кран! Там мальчик и женщина под плитами! – кричу я местным.

Один мужчина бросается искать подъемную технику, а я наклоняюсь к отверстию, через которое вижу ребенка.

– Не бойся, малыш, мы тебя вытащим. Как тебя зовут?

– Вова... – стонет он в ответ.

– Сколько тебе лет, солнышко?

– Пять...

– Держись, Вова! Мы уже ищем кран, чтобы поднять плиты. Ты должен продержаться.

– Маму тоже спасите... Я её не могу разбудить... – всхлипывает он.

Значит, это действительно его мать лежит над ним. Как объяснить этому малышу, зажтому под тоннами бетона, что его мама, скорее всего, уже не проснётся?

– Мы вас обоих вытащим, – говорю я как можно бодрее.

Кран прибывает после долгих минут ожидания, которые кажутся вечностью. Мы поднимаем плиты одну за другой, освобождая мальчика и тело его матери. С каждым движением техники сердце сжимается от страха – вдруг она рухнет на них? Но всё проходит благополучно. Через несколько часов нам наконец удаётся их извлечь.

Владимира, покрытого цементной пылью и кровью, грузят в ожидающую скорую. Но для его матери уже ничего нельзя сделать. Как я и думал, она отдала жизнь за сына – её тело принало на себя основной удар обрушившихся плит.

Когда мальчик зовёт маму, пока его увозят, я не нахожу слов, чтобы успокоить его без лжи. Чувствую себя беспомощным.

Молча смотрю, как скорая мчится в больницу. Если малыш выжил, то девятерым другим жильцам дома, включая его мать, повезло меньше. Ещё трое мирных, пострадавших от ударов украинской авиации по другим зданиям, пополняют список погибших. Раненых – не меньше пятидесяти.

Я стою перед рядами тел, которые мы постепенно выносим из-под завалов и раскладываем на асфальте. Потом не выдерживаю, сползаю под дерево, рыдаю. Сквозь слёзы смотрю на тела, накрытые тем, что нашлось под рукой: цветными простынями с цветочками, детскими одеялами с плюшевыми мишками. Эти яркие ткани делают строй погибших ещё более нереальным.

По прошествии чуть более месяца боёв меня всё сильнее ужасает то, что украинская армия творит с мирными. Какой военный смысл был в том, чтобы бомбить этот дом? Здесь не было ни одной военной цели!

Всего два дня спустя, в разгар дня, украинский истребитель Сухого пролетел над Снежным в направлении Саур-Могилы.

«Опять будут бомбить курган, как обычно», – мелькнуло у меня в голове, пока я с тремя товарищами стоял на блокпосту на северо-западе города. Я даже неожиданно для себя начал мысленно молиться, чтобы наши ребята на высоте отделались малыми потерями. В тот день Саур-Могилу удерживали бойцы батальона «Восток».

Но мне не пришлось долго размышлять об их судьбе. Вскоре после первого пролёта я увидел, как самолёт возвращается, и под крыльями у него всё ещё висят ракеты. Странно... Обычно они делают два захода и уходят «на сухую».

В этот момент мой маленький кнопочный телефон завибрировал.

– Алло, Миша, это Альба. Мы в Рассыпном. Украинский истребитель кружит над нами возле Шахтёрска, но не стреляет. Ты его у себя видишь?

– Нет, но другой только что вернулся от Саур-Могилы и не израсходовал весь боезапас. Будьте осторожны...

Не успел я договорить, как в небе раздался взрыв.

– Слышал взрыв? – спрашиваю я.

– Да, совсем рядом. Это ракета. Похоже, самолёт сбили. Отключаюсь, посмотрю, куда он падает.

Едва я сунул телефон в карман, как он снова завибрировал.

– Миша, это Кобра! Большой самолёт только что снизился под облака.

– Военный?

– Не знаю... Стой, украинский истребитель заходит на него... Чёрт, он атакует!..

– Что?!

В этот момент вдали прогремели один, а затем второй взрыв.

– Это что было?!

– Истребитель рванул на сверхзвуке в сторону Амвросиевки. Миша, большой самолёт разваливается на части, он падает...

Кобра отключился в панике. Я даже не успел предупредить остальных, как увидел, как огромные обломки самолёта один за другим врезаются в землю, поджигая степь на километры вокруг.

Последние фрагменты рухнули в нескольких километрах севернее. Я тут же набрал Шамана.

– Командир, крупный самолёт сбит возле Рассыпного. Он взорвался в воздухе, обломки разбросаны к северу от Шахтёрска.

– Гражданский или военный?

– Не знаю, командир. Кобра сказал, что видел, как украинский истребитель атаковал его. Неужели они могли ударить по своему же транспортному самолёту?..

Я в полной растерянности, в панике, не понимаю, что произошло. Ребята из ПВО как-то рассказывали, что украинские истребители иногда прячутся под гражданскими лайнерами, чтобы мы не сбивали их. Несмотря на идущие бои и потери украинской авиации, небо над Донбассом остаётся открытым для гражданских самолётов.

Вчера я как раз спрашивал у наших зенитчиков: «Почему вы не сбиваете эти чёртовы истребители, которые бомбят мирных?» Они объяснили: украинцы знают, что мы не станем стрелять, если есть даже малейший риск задеть гражданский борт. Но зачем им самим сбивать такой самолёт?

– Езжай туда и перезвони, как доберёшься. Я отправлю подкрепление, – говорит командир.

Я хватаю одного из бойцов с блокпоста, и мы на стареньких «жигулях» мчимся к самому мощному очагу пожара. Огромные языки пламени пожирают степь у села Грабово, над полем клубится густой чёрный дым.

Из деревни выбегает женщина с криками: «Труп пробил крышу и упал прямо в дом!»

Мы бросаемся туда – и видим жуткую картину: среди развороченного жилья лежит тело. Одежда почти сгорела. Не понять, был ли это военный или гражданский. Возвращаемся в поле – пожар бушует, но сквозь дым виднеются тела, пристёгнутые к креслам. К пассажирским креслам!

Я тут же звоню командиру:

– Командир, это гражданский самолёт! В Грабово повсюду тела, нужны пожарные, поля горят!

– Гражданский?! Ты уверен?!

– Да! Тут кресла, как в авиалайнере! Это не военный борт! – почти кричу я в трубку.
– Чёрт... – срывается у командира перед тем, как связь обрывается.

Пока ждём пожарных, осматриваем поле в поисках выживших. Но тщетно. Только трупы, обугленные останки, едкий дым и пламя, пожирающее обломки.

Через несколько часов приезжают журналисты, и мы узнаём: это рейс МН-17 Malaysia Airlines. На борту было 298 человек, среди них – дети.

По дороге в Шахтёрск в голове пульсирует один вопрос: зачем?

Зачем сбили этот самолёт? Зачем убивать столько невинных? Меня тошнит от этого.

Благодаря медицинскому образованию я, конечно, привык к виду трупов, но это уже слишком. За месяц боев на Донбассе я уже видел, как украинские вооруженные силы без стеснения бомбят жилые кварталы, убивая и калеча множество мирных жителей. Но это – за гранью. Цинизм киевских властей и их военных, кажется, не знает предела.

Я провожу рукой по лицу, будто пытаюсь проснуться от кошмара, и тут же чувствую, как жёлчь подкатывает к горлу.

Едва успеваю резко затормозить «жигули», распахнуть дверь, и содержимое моей последней трапезы с силой выплескивается на асфальт. Напарник выскакивает из машины, опускается рядом:

– Миша, ты как? Что случилось?

– Мне плохо... – хриплю я. – Давай ты сядешь за руль?

– Конечно. Садись на пассажирское. Должна быть вода сзади, прополощи рот.

Он копается в бардаке на заднем сиденье, достаёт полупустую бутылку. Я делаю глоток, плещу воду в рот и выплёвываю. Второй глоток проглатываю с трудом.

Остаток пути молчу. Напарник нервно поглядывает на меня, пробиваясь по разбитой дороге.

Мне не спалось. Как только я проваливался в сон, перед глазами представляли изуродованные тела, разбросанные среди пламени, и я вскрикивал от ужаса, просыпаясь в холодном поту.

Назавтра стало ясно, зачем они сбили этот самолёт. Ещё до начала расследования Украина и весь Запад обвинили Россию и "сепаратистов" в крушении МН-17. Вот она, причина. Нас выставляют террористами, хладнокровно убившими 300 невинных людей.

Во мне поднялась такая ненависть, какой я никогда прежде не знал. Я злился и раньше, но это было нечто иное. Яростное, слепое, убийственное. Чистое желание разорвать тех, кто придумал и осуществил этот подлый план.

Командир встретил меня в коридоре, испугавшись выражения моего лица.

– Миша, что с тобой? – притянул меня в кабинет. – Ты выглядишь так, будто готов пристрелить первого встречного. Говори!

– Вы видели, что они говорят про вчерашний самолёт?! – закричал я. – Это они его сбили, а вину на нас вешают! Они – чудовища, убившие сотни людей просто чтобы очернить нас! Я ненавижу их!

Командир молча кивнул, его лицо стало строгим.

– Понимаю твои чувства. Но эта ненависть – яд. Она превратит тебя в них. Заставит совершать такие же зверства, а я не хочу этого в своём подразделении. Проведи несколько дней с Татьяной, помощницей батюшки Кирилла. Поговори с ними. И возвращайся, когда будешь в более стабильном эмоциональном состоянии.

Я киваю и выхожу из его кабинета. Я отправляюсь в церковь, где служит батюшка Кирилл, надеясь застать там Татьяну. К счастью, они оба там, и я объясняю, зачем пришел. Татьяна смотрит на меня с шокированным, но нежным выражением лица, качая головой направо-налево, потом налево-направо.

Батюшка Кирилл немного печально улыбается мне, когда он ведет меня к одной из скамеек вдоль стены церкви. Его лицо сохраняет ту смиренность, которое я видел в нем в предыдущие визиты, несмотря на то, что я только что ему рассказал. Как будто зло не могло коснуться его души.

– Миша, ненависть ведёт только во тьму, – сказал он, усаживая меня на скамью. – Зло нельзя победить злом.

– Как вы можете не ненавидеть их?! – вырвалось у меня. – Вы же видите, что они творят, какие преступления совершают!

– Я молю Бога открыть им глаза, чтобы они поняли, что ошибаются. И я точно знаю, что им придется ответить перед Ним за совершенные ими преступления. Не мне их судить, это дело Бога. Если ты хочешь бороться с тьмой и злом, то должен вооружиться светом. Архангел Михаил, когда противостоял Сатане, был вооружен огненным мечом. Он не случайно пылает, он символизирует то, что он был вооружен светом для борьбы с тьмой, для борьбы со злом.

Он говорит все это очень мягким тоном, и мне вдруг становится легче, спокойнее, как будто с моих плеч только что сняли огромный груз. Я вновь обрел спокойствие.

– Значит... моя злость делает меня плохим? – спросил я неуверенно.

Батюшка Кирилл улыбнулся:

– Нет. Сам Бог не всегда проявляет любовь, терпение и доброту. У него бывает и ужасный гнев. Просто некоторые предпочитают об этом забывать.

Он кладёт свою правую руку на мою и, глядя мне прямо в глаза, продолжает:

– Ты можешь ненавидеть зло, которое они творят, но не должен ненавидеть людей. Иначе станешь таким же, как они. Все мы можем ошибаться, но каждый способен искупить свою вину, если осознает ошибки и искренне раскается. Подумай над моими словами. У Татьяны тебе будет всего достаточно.

Он встаёт с тёплой улыбкой и уходит: нужно готовиться к службе. Татьяна провожает меня к себе.

Её квартирка невелика, и там я узнаю, что у неё есть приёмная дочь. Несмотря на скромный быт и трудности (бои рядом, продукты дорогие), Татьяна часами готовит, ставя передо мной такие порции, что мне не осилить. Будто боится, что я умру с голоду.

Её забота, тишина и безграничная доброта постепенно вытягивают меня из воронки ярости, в которой я варился полтора месяца.

Мы подолгу говорим с ней и батюшкой Кириллом: о Добре и Зле, Боге и Сатане. Глядя на них – таких мягких, любящих, без тени злобы, – я начинаю верить, что Бог, возможно, есть.

И, может, именно сюда, в Донбасс, мне и нужно было попасть. Пройти через тьму, чтобы в конце концов увидеть свет.

Через несколько дней «отпуска» я возвращаюсь в часть. Командир внимательно меня осматривает:

– Ну как, оклемался?

– Готов воевать, командир! – отвечаю твёрдо, но без злости.

– Вот и славно. – Он хлопает меня по плечу, широко улыбаясь. – За работу.

И работы у нас – хоть отбавляй. Бои за курган Саур-Могила не прекращаются, в то время как наши силы начинают окружение украинских войск на юге республики. Эта высота стала жизненно важной для тысяч украинских солдат, попавших в ловушку между нами и российской границей. Без её захвата им не вырваться из окружения. Украинская армия безостановочно бомбит курган, снова и снова пытаюсь штурмовать его.

Тактика, которая в конце концов даёт результат из-за нашей малочисленности. В начале августа последние шесть ополченцев, ещё удерживавших Саур-Могила, отступают под шквальным огнём.

Тем временем несколько украинских националистических батальонов – «Донбасс», «Днепр-1» и «Шахтёрск» – атакуют город Иловайск, пытаясь взять его под контроль. Чтобы предотвратить это, туда направляются добровольческие подразделения – батальоны «Сомали», «Оплот» и «Восток». Командир Сомали Михаил Толстых (прозвище Гиви) – сам уроженец Иловайска, что даёт нашим войскам преимущество в знании местности.

– Почему его батальон называется «Сомали»? – спрашиваю я у Шамана.

– Если бы ты видел, в каком состоянии были его ребята под Славянском... Ободранные, голодные... Прямо банда сомалийских пиратов. Кто-то подметил сходство, так и пристало.

– А ему зачем прозвище Гиви?

– Хоть он и местный, некоторые считают, что похож на грузина – вот и позывной. У каждого тут прозвище по какой-то заметной черте. И тебе дадут, когда придёт время, – отвечает командир, хлопая меня по плечу со смехом.

После нескольких недель боёв город освобождён – не без потерь среди мирных. Помимо погибших при обстрелах, я узнаю, что во дворе школы, где стоял батальон «Донбасс», найдены тела трёх мирных жителей, зарытые в землю.

Двое из них были убиты выстрелами, при этом явно подвергались избиениям и пыткам. Позже еще двое – женщина и ее сожитель – найдены застреленными в собственном доме. Соседи рассказывали, что слышали женские крики и выстрелы, а на лицах убитых видны следы побоев.

Тем временем мы завершаем окружение украинских сил на Саур-Могиле, последовательно беря под контроль Степановку, затем Петровское, перерезая их линии снабжения. Когда до возвращения высоты оставалось совсем немного, украинская бронеколонна предприняла отчаянную попытку прорыва из котла.

Командир Шаман направляет нас – бойцов батальона «Семёнович» – с гранатомётами перекрыть путь колонне. Сапёр Чёрный из «Семёновича» прокладывает безопасный маршрут к месту засады и предлагает простую, но эффективную тактику.

Из засады я точным выстрелом из РПГ серьёзно повреждаю ведущую БМП. Неплохо для первого боевого применения гранатомёта! Товарищи тем временем выводят из строя танк в середине колонны, затем замыкающую машину.

Когда колонна оказалась полностью обездвижена, украинские солдаты начали беспорядочно выскакивать из машин, осыпая нас шквальным огнём. Завязалась хаотичная перестрелка – пули свистели со всех сторон.

Вдруг резкая боль в солнечном сплетении, и я падаю. Понимаю – ранен. В такую точку смерть должна быть быстрой... Но, к своему удивлению, через несколько секунд обнаруживаю, что дышу – болезненно, но дышу. Сердце тоже бьётся.

Дрожащими руками расстёгиваю ворот и осматриваю рану. И вот невероятное – пуля застряла в медальоне с Архангелом Михаилом, подаренном батюшкой Кириллом! Лишь краешек пробил кожу, оставив поверхностную рану, уже синеющую от удара. Крови немного – пуля. Медальон сработал как бронезилет. Это бросает вызов любой логике.

Размышления прерывает внезапная тишина. Перестрелка стихла. Подбегает товарищ:

– Живой? Можешь ходить?

Мы победили, но потери есть – убитые, раненые, и оставшимся ополченцам предстоит нелёгкий путь до Снежного с телами погибших.

– Да, я могу идти... Медальон остановил пулю... – бормочу я, всё ещё не веря случившемуся.

– Какой медальон?

– С Архангелом Михаилом, который батюшка Кирилл мне дал. Как это вообще возможно? Это же просто медальон...

– Не "просто медальон", – возражает Чёрный, – это благословлённый батюшкой образ Архангела. Я уже видел такое – однажды пулю остановил нательный крест, в другой раз икона!

Я сижу на земле, ошеломлённый, пытаюсь осмыслить произошедшее, когда Чёрный протягивает руку:

– Давай, будешь философствовать потом. Пора возвращаться в Снежное.

В штабе Шаман отправляет меня в санчасть. Пока медсестра обрабатывает рану, я верчу в пальцах пробитый медальон, тщетно пытаюсь найти логичное объяснение чуду. Рана несерьёзная, но командир, видя моё смятение, даёт сутки отдыха. Я иду к батюшкой Кириллу.

– Бог знал, что произойдёт, и направил меня дать тебе защиту сильнейшего из своих Архангелов, – говорит он мягко, рассматривая повреждённый медальон.

– Ребята говорили, что такое бывало и с крестами, и с иконами... Вы такое видели?

– Да. Под Торезом солдат... Его крест после боя выглядел так же.

– Но это невозможно! – в голосе моём звучит раздражённое недоумение. – Металл этих крестов не сравнить с бронезилетом!

– Их сила не в материале, а в Божественной благодати, – возражает священник, возвращая мне медальон.

Я сижу в церкви, не отрывая глаз от ладони с пробитым образком. Батюшка Кирилл ненадолго выходит и возвращается с новым медальоном:

– Вижу, защита Архангела Михаила тебе необходима. Вот новый.

Я смотрю на него потерянно. Мои рациональные убеждения разлетелись в прах. Шансы, что тонкий металл остановит пулю – нулевые с научной точки зрения. Значит... это было что-то другое.

Как будто Бог специально подтолкнул отца Кирилла дать мне этот медальон, лишь для того, чтобы доказать мне Своё существование. (Хотя, уверен, если бы Ему так уж нужно было спасти меня вчера, Он нашёл бы и другой способ...)

– Я хочу креститься, батюшка.

Слова сорвались с моих губ сами собой, когда я поднял глаза на батюшку Кирилла.

– Ты уверен в своём решении? Это действительно то, чего ты хочешь? – серьёзно спросил он.

– Да. Я твёрдо решил. Где та церковь, о которой вы говорили?

– Она на другом конце города. Я позвоню батюшке Феофану, предупрежу его. Но сначала тебе нужно найти крёстного отца и крёстную мать.

В этот момент в маленькой церкви раздался знакомый голос:

– Я готова стать его крёстной, если он, конечно, не против, – улыбаясь, сказала Татьяна, стоявшая в дверях и слышавшая наш разговор.

– С радостью, лучшей крёстной мне не найти, – ответил я, тронутый её предложением.

– Осталось найти крёстного, – напомнил батюшка Кирилл.

Почти все мужчины, которых я знал здесь, были либо военными, либо священниками. Выбор оказался невелик – один из моих товарищей или командир.

Им стал мой командир.

Через несколько дней мы с ним и Татьяной стояли перед величественной белоснежной церковью с лазурными куполами. Навстречу нам вышел батюшка Феофан и указал на небольшое здание сбоку, где находилась крестильная купель.

Батюшка Феофан был удивительно похож на батюшку Кирилла – такие же длинные каштановые волосы, тот же мягкий взгляд, только моложе.

По совету Татьяны я взял с собой новую, длинную синюю футболку. Только переоделся в маленькую пристройке, когда вошёл батюшка Феофан. Он провёл меня в крохотную комнатушку и попросил исповедаться.

Худшие грехи, что неудивительно, оказались самыми свежими – за несколько месяцев я убил не одного украинского солдата. Хотя я знал, что поступал правильно, защищая мирных жителей, это всё равно оставалось смертным грехом. Отец Феофан отпустил мне грехи и повёл в помещение, где должно было совершиться крещение.

Помимо Татьяны и моего командира, там уже находилась молодая пара с младенцем и его крёстные родители. Малыш был беспокоен, то и дело плакал и кричал. Батюшка Феофан, однако, невозмутимо начал обряд.

Мой взгляд упал на массивный бассейн в центре зала. Прочитав положенные молитвы, священник жестом велел мне войти в воду и сесть на ступени внутри бассейна. Вода доходила мне до плеч.

Он возложил одну руку мне на макушку, другую – на затылок и трижды наклонил вперёд, пока я полностью не погружался под воду. С помощью командира я выбрался из бассейна, после чего настал черёд младенца.

Батюшка Феофан прикрыл ребёнку рот и нос ладонью и быстро трижды окунул его в купель. Беспокойный с самого начала церемонии малыш тут же успокоился. Он перестал плакать и с необычайной серьёзностью смотрел на священника, прежде чем его вернули родителям.

Затем батюшка Феофан подошёл ко мне с маленькими ножницами и отрезал прядь волос – задача не из лёгких, учитывая мою короткую стрижку. То же самое он проделал с младенцем.

Настало время миропомазания. Священник начертал кресты святым миром на моём лбу, глазах, ноздрях, устах, ушах, груди, руках и ногах, затем повторил то же с ребёнком. После этого он возложил на мою шею крест, купленный и освящённый моим командиром, и аналогично поступил с младенцем.

По завершении обряда я переоделся. Батюшка Феофан напомнил, что в ближайшие дни мне следует причаститься, чтобы завершить таинство крещения.

Шаман лично отвёз меня в церковь батюшки Кирилла для первого причастия. После литургии Татьяна подвела меня к иконе Христа. Я помолился перед ней, перекрестился, поклонился и поцеловал оклад, затем приложился лбом.

Батюшка Кирилл подошёл с огромной чашей и поднёс мне ложку с освящёнными хлебом и вином. Я проглотил Дары, скрестив руки на груди, пока двое помощников держали под моим подбородком красную плащаницу. Они вытерли мне губы краем ткани, после чего я поклонился и поцеловал основание чаши.

Вернувшись с Татьяной к иконе, я снова помолился и вновь приложился к образу.

Вечером того же дня я позвонил бабушке, чтобы сообщить о событии. Она была так счастлива моему решению, что расплакалась от радости.

А после первого причастия я получил своё воинское прозвище. Поскольку я врач и всегда пытался найти рациональное объяснение всему происходящему, ребята единогласно решили называть меня «Док».

После всех этих событий я вернулся в свою часть, готовый к новым боям. Теперь нам предстояло не только отбить Саур-Могилу, но и взять под контроль границу с Россией. Без этого города от Донецка до Снежного оставались бы в блокаде, и жители начали бы массово умирать от голода.

Мы зажали украинские войска в котёл – так мы называли окружение. С юга их блокировала российская граница, а мы наступали с севера. Украинские линии снабжения растянулись до предела, и наша артиллерия легко их перерезала, превратив логистику противника в настоящий кошмар.

Когда котёл замкнулся с запада, оставалось только уничтожить окружённые войска или заставить их сдаться. Некоторые подразделения выбирали второе, передавая нам танки, бронетехнику, орудия и другое вооружение, которое нам очень пригодилось. Другие пытались про-

рваться, неся огромные потери. Этот южный котёл стал настоящей мясорубкой для украинской армии.

Как только граница была под нашим контролем, мы двинулись на юг, освобождая Старобешево, Тельманово, Новоазовск на берегу Азовского моря, и окрестные сёла.

22 августа первый российский гуманитарный конвой наконец-то пересек границу (теперь под нашим контролем), доставив продовольствие и медикаменты в регион, стоявший на грани гуманитарной катастрофы. А 26 августа мы вернули себе курган Саур-Могилы.

После этих побед народного ополчения украинская армия оказалась в плачевном состоянии. Новый президент Украины, избранный в конце мая, согласился подписать в Минске соглашения о мирном урегулировании конфликта в Донбассе.

Многие тогда возлагали большие надежды на эти соглашения, подписанные 5 сентября 2014 года между Украиной и двумя Народными Республиками при гарантиях Германии, Франции, России и ОБСЕ. Документы предусматривали прекращение огня, обмен пленными и другие меры, которые должны были разрешить конфликт за столом переговоров, а не на поле боя.

Увы, как мы скоро поняли, для Украины эти соглашения были лишь способом выиграть время, чтобы восстановить армию и продолжить войну. Перемирие не соблюдалось, и вскоре бои вспыхнули с новой силой.

Поскольку линия фронта теперь отодвинулась далеко от Снежного, я попросил у командира разрешения перевестись в часть, сражавшуюся на западных подступах к Донецку, где ополчение пыталось вернуть контроль над аэропортом.

Шаман дал добро и представил меня офицеру батальона «Сомали», который одобрил мой перевод в их подразделение. Вместе с батальоном «Спарта», «Сомали» как раз участвовал в ожесточённых боях за контроль над донецким аэропортом – ключевой точкой фронта из-за автострады, ведущей прямо в центр Донецка. Лишить украинскую армию этого плацдарма было жизненно важно, чтобы исключить риск внезапного удара по сердцу города⁴.

И для решения этой задачи у двух батальонов имелось вооружение буквально допотопных времён. Всё – от танков и бронетехники до гранатомётов и винтовок – было советского производства. Включая противотанковые ружья! Каково же было моё изумление, когда на позициях батальона Сомали я обнаружил старые ПТРД-41 и ПТРС-41 – противотанковые ружья, которые, как видно из названия (41 – это 1941 год), помнили ещё Вторую мировую войну!

– Где вы достали этот антиквариат? – потрясённо спросил я у товарища по отряду.

– В музее! – усмехнулся он. – Всё, что висело на витринах, починили и поставили в строй.

Пару месяцев назад в Дружковке даже Т-34 с постамента сняли и привели в боевое состояние. Снарядов к пушке, конечно, нет, но с пулемётом на башне он неплохо поработал.

– И он на ходу?! – я не мог скрыть изумления.

– Ещё как! Дымит, конечно, при запуске будь здоров, но мотор и трансмиссия – огонь. Советское качество ни на что не похоже – оно уродливо, зато спустя десятилетия всё ещё работает.

Он был прав. Большинство ополченцев ездило на «жигулях» старше их самих – тархтящих, но не сдающихся. Как-то один товарищ мне сказал: «Всё, что работает в Донбассе, либо сделано в СССР, либо построено олигархами к «Евро-2012». От Украины за двадцать с лишним лет независимости ничего путного».

Горькая ирония для такого промышленного и богатого региона, как Донбасс, десятилетиями кормившего всю страну углём, металлом и химической продукцией.

⁴ Другие пригороды Донецка, где расположена линия фронта, – это частный сектор с узкими улицами в плохом состоянии, часто неасфальтированными. Иными словами, атака бронетехники в таких районах была бы самоубийством, в отличие от атаки по огромной двухполосной асфальтированной дороге.

Мы ведём бои среди руин некогда сверкающего новенького аэропорта Донецка, построенного как раз к чемпионату Европы по футболу. Никто в Донбассе и представить не мог, что всего через два года после этого турнира регион окажется в эпицентре гражданской войны, развязанной после государственного переворота. Современный аэропорт с огромными стеклянными витражами, возведённый всего несколько лет назад, теперь представляет собой лишь изрешечённый остов из бетона и металла, заваленный обломками, кусками утеплителя, электрокабеля, потолочными плитами и строительными материалами. На взлётной полосе ржавеют останки самолётов, уничтоженных артиллерийскими обстрелами, а также обгоревшие каркасы танков и бронетехники. Напоминает декор к постапокалиптическому фильму.

Мы медленно продвигаемся сквозь руины. Сражаемся за каждый уцелевший ангар, за каждую полуразрушенную постройку, используя автоматы, гранатомёты и РПГ. В батальоне «Сомали» есть несколько танков, на броне которых солдаты добираются до позиций перед атакой. Эти танки вместе с артиллерией обеспечивают нам необходимую огневую поддержку. Командир Гиви корректирует огонь по рации из разрушенной высотки неподалёку от аэропорта. Украинские танки представляют для наших серьёзную угрозу: они устраивают засады возле нового терминала, выжидая момент для ответного удара.

Несмотря на это, уже к октябрю нам удаётся установить контроль над большей частью территории аэропорта. Однако украинские военные продолжают удерживать позиции в многочисленных подземных помещениях, регулярно получая подкрепление под прикрытием артиллерийских обстрелов.

Особенно забавно наблюдать, как украинские СМИ продолжают утверждать, что аэропорт якобы находится под контролем их армии, в то время как та же самая армия ежедневно его бомбит! Но подобные вопиющие противоречия уже давно не смущают украинские медиа. Деньги, влитые США в эти СМИ после Майдана, полностью избавили многих журналистов от мук совести. А тех, кто пытается говорить правду и не продаётся за тридцать сребреников, просто увольняют.

Как бы то ни было, бомбардировки, обрушивающиеся на аэропорт и прилегающие жилые кварталы, нисколько не пугают командира Гиви, даже когда он даёт интервью журналистам прямо на улице без каски и какой-либо защиты, а у его ног падают осколки от Градов.

В тот октябрьский день 2014 года я с тремя бойцами занимал позицию в старом терминале. Лежа за остатком стены, я следил за противником через прицел своего противотанкового ружья ПТРС-41, когда украинская армия начала обстреливать аэропорт из РСЗО Град.

Говорят, что снаряд, предназначенный тебе, ты не услышишь. Похоже, это правда. Я не услышал свиста той ракеты, что прилетела в нас.

Все оказалось в облаке пыли. В ушах зазвенело так, будто кто-то вогнал мне в череп раскаленный гвоздь. Казалось, моя голова с размаху ударилась о бетонную стену.

Я несколько секунд лежал в оцепенении, пытаюсь понять, что произошло и где мои товарищи. Когда пыль немного рассеялась, я различил два тела неподалёку.

У одного не было головы. Здесь уже ничего нельзя было сделать. Второй тоже не двигался. Я повернулся, пытаюсь найти четвертого бойца из нашей группы – и тут почувствовал жгучую боль в ноге и левой руке. Осколочные ранения, кровь, но артерии, кажется, целы.

Собравшись с силами, я снова начал искать последнего бойца. Мозг работал медленно, будто в алкогольном угаре. Наконец я увидел его – частично заваленного обломками. Он потерял ногу и истекал кровью. Очень быстро.

Я сорвал с его руки белую повязку и наложил импровизированный жгут. Затем заметил рацию. Я ничего не слышал, но еще мог говорить. Мог позвать на помощь.

– Здесь Док... По нам прилет Градом на позиции "Нева"... Два двести⁵ и два триста⁶... Тяжелые ранения... Требуется срочная эвакуация... Требуется...

Голос прервался. Я чувствовал, как ухожу. Веки сами собой смыкались. Не было сил сопротивляться, и чернота быстро поглотила меня.

⁵ Кодовое название «погиб»

⁶ Кодовое название «ранен»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.